

18+

НИКОЛАЙ КАНЕВ

Хроники последней войны

Николай Канев

Хроники последней войны

«Издательские решения»

Канев Н. В.

Хроники последней войны / Н. В. Канев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555275-4

Переживая кризис в личной жизни, молодой бортмеханик гражданской авиации отправлен в командировку на Кавказ, где попадает в водоворот событий и непредвиденных жизненных ситуаций. В одночасье меняется мировоззрение, происходит переоценка ценностей и, казалось бы, обыденные вещи, становятся важными в его судьбе. Эта повесть о простых и честных людях, защитниках, выполняющих свой долг перед Отчизной и о земной любви, которая помогает покорять небо.

ISBN 978-5-00-555275-4

© Канев Н. В.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хроники последней войны

Николай Витальевич Канев

Для лучшего восприятия автор не упоминает фактическую информацию о действиях экипажа воздушного судна. Если писать о всей работе, предусмотренной должностными инструкциями, доклады о подготовке действия во время полета, получится объемно, обыденно и нудно.

Любящим нас женщинам посвящается.

Книга создана при поддержке творческих и сильных духом женщин:

Елена Барканова

Антонина Рванцова

Галина Рехлицкая

© Николай Витальевич Канев, 2022

ISBN 978-5-0055-5275-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Сигнал. Из динамика донесся хриплый, усталый голос диспетчера. Объявили конец посадки. Взявшись за поручень, еще раз оглянулся, искал ее глазами, но в разношерстной толпе провожающих ничего не разглядеть, а позади напирали, торопили:

– Давай, летун, двигай телом. — Рослый омовец дыхнул свежаком выпитого, протиснулся вперед, исчез в чреве вагона. Следом лез еще десяток, а сзади, из толпы, поднимая вверх сжатый кулак, кричал раскрасневшийся круглолицый здоровяк:

– Доброго пути, братцы! Вас ждут дома!

Его голос перекрывал выкрики имен и пожелания скромных, державшихся достойно женщин.

– Юра! — резануло слух. — Юрочка!

Рывком слетел с подножки на перрон, пробился, поймал маленькое, хрупкое, белокурое создание, прижал к себе:

– Зоя, Зоенька, зайка моя!

– Граждане, поезд отправляется. Провожающие, покиньте вагон. — Проводница в лихо сбитом набок форменном беретике, с выбившимися из-под него рыжими кудряшками, подала голос.

– Все, все, опоздаешь. — А сама не отпускает, прижимается, целует. Эх, Зоя!

– Поехал! — Оторвал, будто часть сердца оставил, побежал за двинувшимся поездом, прыгнул на подножку, втиснулся, а Зоя рванулась следом, нырнула в толпу, потерялась в мешанине пальто и курток, выскочила, но поезд уже разгоняется, уходит, гроыхает на стыках. Потеряв ее из виду, слышу смешливый голос проводницы:

– Разве летчики поездами ездят? Никак, высоты боимся?

– Постоянно, — ляпнул первое, что пришло в голову, и вошел внутрь. Омовцы расположились табором, завалили стол закусками, нагромоздили водки и пива, наливали в стаканы, лихо опрокидывали: за отъезд, за Бог с нами и шиш с ними.

Толкавший на перроне снял спортивную шапочку. Обнажил короткий ежик русых волос, сбросил пятнистый бушлат и махнул призывно:

– Давай, летун, приземляйся к нам. Выпить и съесть веселее вместе!

Худощавый, в черном свитере с глухим высоким воротом, сидевший рядом с зазывалой, нехотя подвинулся, освободив место. Бросив на третью полку дерматиновую сумку, повидавшую всякое, воспользовался приглашением, сел, получил налитый до половины, теплый от рук стакан, стартовал тостом:

– За удачу!

Опрокинул в рот, проглотил жгучую жидкость, закусил ветчиной и, отдышавшись, назвал:

– Юра Соломин, еду в часть.

– Санька Белогорский, — представился парень в глухом свитере.

– Толик, — не заставил ждать здоровяк. — А парни зовут Гора. Ты тоже туда?

– Да, командировка.

– Значит, свидимся еще, — заключил седой майор с кривым шрамом на левой щеке. Он сидел напротив, чуть ближе к окну. — Мы тебя, может, не увидим, — ткнул пальцем в потолок, ухмыльнулся, — но ты нас обязательно различишь, Сокол! Дадим гари!

Беседа закрутилась вокруг одного: срок командировки в паршивое время года, где днем все тает, ночью прихватывает, а по морозцу — «ему» сто километров не крюк, жди «подарков» откуда угодно.

После второго стакана поблагодарил от души, полез на вторую полку — головой к окну. Хотелось побыть одному, остаться с самим собой и поразмыслить над будущим. Однако мысли норовили нырнуть в прошлое и резвились там, как дельфины в океане.

Отправляли вместе с Гуськовым, но у него заболели жена и ребенок. В общем, по всем статьям выходило — никак нельзя ему ехать, и даже от дома отходить чреватое. Одно осталось — спирт глушить да клясть судьбу непечатными словами, а Юрке, стало быть, одному ехать.

Осталась жена Лена. Третий год жизни с ней похож на чемодан — нести тяжело и бросить жалко, хотя через день заявляет: «Только не надо меня жалеть, понял?». Еще — Зойка, маленький зайчонок — едва достает макушкой мой подбородок, и годков мало — двадцать один. Вот такая петля на шее — двойная.

Омоновцы говорят громче, спорят. Толик рокошет, сбивает с мысли:

— ...Ну а как, как иначе? Шато-Ведино помнишь? Что мы там увидели, не забыл? Окружили, предупредили, дали им коридор какой-то, а после налетели, разбомбили, причесали, зачистили!

— Что же ты, власти не веришь? — Шрам на лице майора побагровел, на висках капельки пота. — Так надо было! Тебе не пристало в политику нос совать и проявлять амбиции по пьяной лавочке. Одно скажу: есть приказ, он выполняется, а не обсуждается.

— Всё ясно. — Толик потух, налил в стаканы, стукнул по верхней полке. — Пикируй, сокол, заправимся.

— Спасибо, не буду. Язва у меня, — соврал зачем-то, может, беспокоить перестанут.

В окно виден город, какие-то ангары, разбег рельсов, мост через пути, а по нему идут две женщины — грузные, важные, с сумками в руках. Не остановились, проскочили закрытый стоящим поездом перрон, двухэтажное здание вокзала; мелькнули часы на фасаде — пять! Три часа едем! Не заметил, как пролетело время.

Вспомнился дед. Бравый, стоит на фото — в галифе широченных, при орденах и портупее. Бабушка, царство ей небесное, смотрела и говорила уважительно:

— У него и наган был, на боку висел. Ось тут, — и показывала морщинистой, высохшей от старости и нелегкого труда рукой туда, где висело оружие. К чему это приходит из памяти?

Проводница принесла чай. Отодвинули закуски, приняли с подноса, усаживают ее за стол, но отказалась — ушла. Слез, накинуд свой темно-синий бушлат и побрел следом. Она наклоняется в тесном тамбуре, ворошит печь, оглядывается:

— Нельзя в этом тамбуре курить, служивый.

— Там народу много, не продохнуть. — Виновато улыбаясь, прикуриваю сигарету, жадно затягиваюсь. — Давно топите?

— Вторую смену. По ночам совсем холодно стало. — Придерживая рукой поясницу, разогнулась и спросила: — Тоже туда?

Кивнул вместо ответа. Вдохнула, помялась, прислушалась к гулу пламени. Сколько ей? Русская баба, каких много. Круглое лицо, едва тронутые помадой губы, рыжие кудряшки, золотые серьги-капельки в ушах. Сорок? Больше?

— Чаю хочешь?

— Можно?

— Докуришь, заходи. Посидим, вместе поскучаем. — Улыбнулась просто, бескорыстно, будто в сотый раз еду. Вышла.

Прислонился, посмотрел в мутное стекло. Переезд, шлагбаум, за ним — «КамАЗ» со спойлером на крыше кабины. Мелькнуло, и выступил лес, а сразу за насыпью — столбы с бесконечной скачкой проводов — вверх-вниз, вверх-вниз. Столбик километровый, цифры не успел приметить — темнеет.

Ленка сейчас сидит за столом, пьет кофе и стучит на клавиатуре — «рожает квартальный отчет», а Зойка, наверное, поехала к матери — на подмогу. Она до четырех работает в налого-

вой, а после едет в пригород. От платформы до домика матери — километр. Вдвоем незаметно проходили, а как одна добирается, жалуется — «вечность топала!».

Сигарета догорела. Постучал для приличия, вошел, сел барином. Она назвалась Юлей, но имя во внешность никак не вписывалось, как бы проводница отдельно, имя отдельно — так и живут.

— Юра и Юля, созвучные имена у нас, — ставя на стол тарелочку печенья и вазочку с кусковым сахаром, подметила радушная хозяйка.

— Точно, — кивнул я, — только имя вам не походит. Я бы назвал Мариной или Ириной, ближе к телу будет.

— К телу? — Засмеялась громко, без страха взглянула в глаза. — Ну-ну, скажешь тоже. Сколько тебе лет, герой?

— Двадцать три ударило, никак не оклемаюсь.

— Женат, небось? — Открытое любопытство во взгляде. — Не ври, ага?

— Есть жена, и есть не жена. Обоих люблю и не найду золотой середины. — Собственная откровенность проявилась краской на ушах и щеках. Почувствовав, что покраснел, увернулся: — Чай у вас хороший, насквозь прогревает.

— Дрянь не держим. — Зарделась от похвалы, отхлебнула из стакана. — Первый раз туда?

— Да. С товарищем отправляли, да причин у него нашлось выше крыши. Один расхлебывать буду. — На глаза попалась книжка — хорошая возможность сменить наболевшую тему. — Что читаете?

— Забыл кто-то, прибрала. — Она оглянулась. — Достоевский, старое издание, времен СССР.

— Сейчас классику не ценят. Модно про слепых, стреляющих без промаха, и одноногих, прыгающих дальше всех. Современному Раскольникову нужно две дюжины старух-процентщиц зарубить, сварить и съесть. Тогда, глядишь, объявят маньяком-людоедом и напишут душе-раздирающую историю, где обязательно упомянут, как в детстве его уронила пьяная мама — головой на кафельный пол общей бани.

Она так смеялась, будто на выступление Михаила Задорнова пришла или постановление Думы заслушала в сто пятом чтении.

После двух стаканов горячего чая сослался на желание вздремнуть и, несмотря на приглашение перейти к более крепким напиткам, ушел в свой плацкарт. Омоновцы спали, только краснощекий Толик-Гора, подперев гигантским кулаком подбородок, смотрел в окно и, покачиваясь, бубнил: «Россия-матушка... кормилица наша... простор души русской».

Щелкнув, включилось радио. Мелодия проникает в глубь сознания и вызывает прилив грусти. Хорошая, сильная песня Любы Успенской:

...Это увлекательный был аттракцион,

Так еще никто не шутил, как я и он:

Он меня шутя посадил в пустой вагон,

Я шутя уехала в поезде ночью...

— Слушай, Юрман. — Омоновца что-то гнетет. Он ищет собеседника, пытаюсь отвлечься от пьяных дум. — Ты правда летчик?

— Бортмеханик.

— С истребителя?

— На вертолетах работаю. — Раздражение нарастает, а Успенскую сменил Валерий Леонтьев.

— Я слышал, есть такой самолет — крылья могут прямо стоять, а могут, — он икнул, — криво. Ну, как бы назад. Есть или треп?

— Да. Миг-23. Изменяемая геометрия крыла.

— Почему Чечню не разбомбят в дым? Взяли сотню самолетов, шарахнули и сровняли все с землей.

— А мирное население куда? — Это становится интересным. Я привстаю на локоть и заглядываю вниз.

— Это блеф. Днем они в грядках копаются, а ночью в засадах сидят.

— Спят когда? — Пытаюсь свести на шутку.

— Когда «коридоры» дают! Бардак! — Толик обреченно махнул рукой. — Не могу понять, какого лешего с ними цацкаются? От этого и нервничаю. Плохо, когда что-то непонятно и объяснений нет. Не слушай меня. Это водка говорит, а не я.

Вот и побеседовали. Я перевернулся на правый бок и закрыл глаза. Вспомнил Крайний Север, укрытую глубоким белым одеялом тундру, пушистых лаек, оленеводов в длинных малицах. «Спирта привез — горностаи, песок увез, а?» Причем слово «песец» произносится как созвучная матерная брань. Поневоле улыбаешься (замерзшие губы выдают оскал), а собеседник хмур, держится с достоинством. Олени в упряжке выбрасывают из ноздрей клубы пара, перебирают копытцами, бьют снег, роют мох-ягель и поочередно ныряют в сугроб с головой, достают замерзшую пищу. Нарты обложены шкурами. На них лежит длинная прямая палка-хорей — торопить к окутанному налетом снежной пыли вертолету.

Поезд остановился. По проходу — движение. Прошла женщина с двумя огромными полипропиленовыми баулами. Следом — торгашка. Удивительное дело, предлагают мороженое в холодное время года, и люди берут с удовольствием. Наверное, из таких вот мелочей складывается большое чувство — любовь к Родине. За индивидуальность и непостижимый чужим умом русский дух.

— Ребята, водочка! — Дед в сбитой на затылок шапке и черном потертом плаще предлагает ходовой товар. — Хорошая, с акцизом! Наша!

В соседнем плацкарте он находит клиента, бормочет рекламу, а позади женщина с ребенком лет пяти — укутанным, как муляжшый мишка Гамми.

— Посторонись, а?

— Ой, извините, ради бога! Проходите, проходите. — Дедок сует в карман мятую купюру, пропускает, продолжает движение, приговаривает: — Водочка, наша!

За окнами поплыли фонари. Движение улеглось, погасли основные лампы, и вагон погрузился в полумрак. Толик спит, уронив голову на руки. Незаметно под монотонный стук колес засыпаю и я.

* * *

— Сколько налетали, я не расслышал? — Командир полка, полковник Денисов прищуривается от попавшего в глаза табачного дыма, глубоко затягивается.

— Там все написано, товарищ полковник. — Сую ему бумаги, обламываю этот совершенно ненужный, никчемный допрос. Заметны его высокомерие и мнительность.

— Ха! — Улыбается нехорошо, показывает ровные вставные зубы. — Написать можно что угодно. Я просил пи-ло-тов! Хороших летчиков с опытом работы в горячих точках либо, — он делает ударение, — в суровых климатических условиях, а мне прислали какого-то механика. Где вы успели поработать в такие годы, если не тайна?

— В Ненецком автономном округе Архангельской области. Тундра.

— Ладно, решим. — Вздыхнув, милостиво отпускает и просит подождать в коридоре. Бумаги остаются нетронутыми на просторной поверхности полированного стола.

Через две минуты в кабинет проследовал невысокий коренастый подполковник, зацепив взглядом, оценил. Я козырнул. Он отмахнул в ответ, будто не честь отдает, а дает добро на запуск двигателя. Получив инструкции, вышел, увлек за собой:

– Во вторую эскадрилью пойдешь, экипаж Сухонина. У него бортач в отпуск едет, последний день работает. Полетаешь три-четыре недели, а после — определимся. Как звать-то?

– Юрий!

– Алексей Иванович. Ты не переживай, ребята у нас хорошие, дружные. Машины не новые, но летать можно. Бывает и хуже, грех плакаться.

Создалось впечатление, что он успокаивает больше себя, чем новичка, но я понимающе кивал и соглашался — бывает и хуже.

Миновали пост. На КПП подполковника знали в лицо, отдали честь. Толстогубый прыщавый прапорщик проводил меня долгим взглядом. Казалось, сверлил глазами спину.

Два вагончика состыкованы торцами. Вдалеке видна полосатая бело-красная вышка СДП, разметка — флажками обозначены посадочные квадраты вертолетов. Зачехленные, они напоминают больших уснувших животных.

Последний, третий, вагончик развернут поперек и центром упирается в торец второго: Т-образно. Входим. Вскликают трое.

– Техник РЭО, лейтенант Бражич, — представляет Алексей Иванович первого, стоящего ближе всех, парня в черном «техническом» бушлате. В это время находившийся дальше всех человек делает полшага, тянется к черно-белому телевизору, убавляет звук.

Обстановка спартанская: стол с ящичком «громкой» связи, рация, захватанный телефон, три жестких стула вокруг стола, два топчана, обтянутых коричневым кое-где порванным дерматином, стоят у стены под окном. В углу, на тумбочке светлого дерева — телевизор с обмотанным синей изоляцией рычажком переключения программ. Все это охватывается беглым взглядом. Иваныч еще не закончил, хвалит Бражича:

– ...парень способный, радиоэлектронное оборудование знает и любой хлам чинит. Одна беда, — вздыхает и щелкает себя по шее, — ЛЕВ, что в переводе с военного — любитель выпить. Ух!

Все улыбаются, а окрыленный своей речью подполковник продолжает:

– Так-с, а это наш достопочтенный Михалыч, он по безопасности полетов инженерит.

Мужчина приветливо кивает, застегивает пуговицы пятнистого бушлата. Лицо у него смуглое, как шайба, а глаза узкие — цепкий взгляд. Не казах ли? Может, уйгур?

– Ну а это Димка Буцко, технарь, — отмахивает в сторону третьего, убавившего звук телевизора. — Парняга молодой, работает недавно. Знакомьтесь, новый бортмеханик в экипаж Степаныча, Юрий э-э-э...

– Соломин, — вставляю я.

– Вот и славно. Это круглосуточный пост, тут всегда техники и безопасник торчат. Если что-то важное — идут на задание свои или подсадка — мы обслуживаем. Теперь — в экипаж.

В центре вагончика, напротив входной, еще одна дверь. Иваныч нагибается, входит. Я — следом. В полупустом помещении сидят двое и режутся в нарды. Молодой большеглазый русоволосый игрок растряс в руках зары, кинул на доску, объявил:

– Пять-шесть! Ага, самое то. О! — замечает вошедших и делает вид, что пытается встать. Второй, сидящий спиной к входу, оборачивается, повторяет маневр с приветствием, но подполковник усаживает жестом, знакомит:

– Это твои, — показывает на сидящего спиной, — Валентин Степанович Сухонин — командир, а этот, — рука перемещается на кидавшего зары, — второй пилот, старший лейтенант Городец Андрей Валерьевич. Знакомьтесь — Юра Соломин, ваш новый бортмеханик, третий богатырь. А где Алфёров?

– Желудком мается, — ответил Сухонин и показал взглядом вглубь вагончика, где имела фанерная перегородка. Отодвинув почерневшую от времени дверцу, подполковник обнажил раковину, обтянутый грязной клеенкой стол и топчан, где примостился еще один обитатель.

Воин спал, уронив голову на руку, забросив ноги в массивных берцах на небольшую тумбу, стоявшую в углу за раковиной.

– Ты посмотри, как ему плохо! — съязвил Алексей Иванович и причмокнул губами от наигранного сожаления. — Бедняга, даже последнее дежурство отработать не смог, сломался! Какая жалость.

Он развернулся, гневно посмотрел на вскочивших пилотов, выпалил:

– Не можете отпуск с утра не обмыть, да? Ну, Валентин, не ожидал!

– Побойтесь бога, Иваныч, — таращится Городец, — ни в одном глазу!

– Сейчас к Мошкинду свожу, там и узнаем, в одном или в двух! Людей возите, не дрова!

– Действительно, товарищ полковник, не пили мы! — пророкотал Сухонин. — Он с бодуна пришел, отлеживается. Говорит, отравился чем-то.

– Ладно, смотрите мне! Соломина на его место поселите, покажете все, а этого, — он показал пальцем на спящего, — накажу после отпуска! На этом все, работайте!

Хлопнув дверью, подполковник ушел. Я разрядил обстановку:

– Он не брат Ирины Алфёровой?

– Кум, — хохотнул Городец и бросил беглый взгляд на Степаныча.

– Устал, наверно, а тебя сразу с корабля на бал, — проявил заботу командир.

– Ерунда, в поезде выспался, вещи дневальному оставил. Как работаете?

– Двенадцать часов через сутки, щадящий график. На каких машинах работал?

– На восьмерке, шестерке, МИ-10К...

– Грузовике? Серьезная штука. У нас МИ-8. — Он заметил перемену в моем лице, добавил грубо: — А ты чего думал, на «крокодил» посадят, ракеты будешь швырять? Наше дело не меньше пользы несет: десант, медицина, раненые, продукты, патроны... Время видел какое? Все расквасило, танки застревают, не говоря уж о машинах, а с них, — Степаныч показал в квадрат мутного стекла, где виднелись громады зачехленных боевых вертолетов, — только смерть и сеять, аки кару за грехи земные. Ну а συμβьют, так лучше погибнуть, чем в руки к ним попасть, — запытают. Говорят, десять штук зелени за сбитого дают.

Он так ораторствовал, что начал махать руками. Полный, черноволосый, кареглазый, выбритый до синевы — необычайно бойкий. Несмотря на грузную комплекцию, майор Сухонин мгновенно расположил к себе, внушил правоту своих слов и будто подстегнул второго пилота. Молчавший доселе Городец подключился к внушению первоочередной важности транспортной авиации:

– В натуре. Ты попал в самый лучший экипаж! Нам завидуют все! Сказочно повезло тебе, Юрка!

– Да я и не жаловался, что вы! Пропади пропадом, какая разница, на МИ-2 летать или на «Черной акуле», главное — с кем и ради чего! — Совсем неожиданно получилась впечатляющая формулировка.

– Хм, — Сухонин сел, — нормально.

– Вообще, красиво сказал, — поддержал Городец и улыбнулся. — Сработаемся, чую. У врача был?

– Нет.

– Обязательный предполетный медосмотр никто не отменял. Андрей, дай отмашку Михалычу, пусть свозит к Мошкинду.

Городец вышел, появился через минуту, объяснил:

– Сейчас безопасник УАЗик подгонит, съездите в штаб. Первый этаж, первая дверь направо. Не дерзи, понял? Врач у нас мужик строгий.

Пятнистый внедорожник поглощал разбитую дорогу. В салоне тепло и уютно. Прикрепленный к зеркалу заднего вида зеленый дракончик весело подпрыгивал на резинке — в такт мелодии, льющейся из приемника.

Михалыч курил дешевую «Приму», стряхивая пепел в форточку. У самой створки ворот перед приземистым зданием затормозил:

– Вот и прибыли. Рядом тут, разогнаться не успеешь — приехал, а пешком по грязюке полчасика оставишь, не меньше...

Конец фразы проглотил проползающий мимо БТР с десантом на броне. Ребята сидели хмурые, закованные в бронежилеты и «разгрузки» с множеством оттопыренных кармашков. Заляпанные грязью колеса роняли лепехи размякшего грунта вперемешку со снегом.

– Боевое охранение, — пояснил Михалыч, — иди, подожду.

Вертушка со скрипом пропустила внутрь здания. Быстро сориентировавшись, я подошел к двери и остановился позади группы пилотов, растянувшихся в начале в очередь, а после — сбившихся в тесный круг. Один из них, невысокий лейтенант, с жаром рассказывал:

– ...А Алфёров с Галаниным посадили двух девчат с метео и поперлись в центр, до кабака. Там «дежурка» и стуканула. Бросили на обочине, а ночью с нее аккумулятор, зеркала и подфарники сдернули. Вот вам и охраняемая территория...

Из двери кабинета вышел раскрасневшийся майор, посмотрел на пилотов, громко спросил:

– Все? Нет? Тогда ждем в автобусе остальных. Кто не знает, сообщаю: автобус автороты временно заменяет дежурную машину. Слышал, Туров, — он посмотрел на рассказчика, — не говори потом, что не знал.

Очередь, образовавшаяся после ухода майора и нескольких пилотов, шла быстро. Не прошло и четверти часа, как я постучал, вошел и представился.

Мошкинд. Что интересно, сразу вспоминаются Ильф и Петров, их герой Кукушкинд. Однако эти персонажи похожи лишь концовкой фамилии, не более. Сухой поджарый мужчина в роговых очках, с глубокой залысиной и большими бледно-голубыми, будто выцветшими с возрастом глазами. Ему слепо можно дать пятьдесят лет, а то и больше. Сквозь тонкий халат, наброшенный на китель, явно проступают погоны с майорскими звездами.

– Значит так. Молодой человек, галлюциногенов не жрать, водку глушить с умом и наркотой мне не баловаться, сечешь? Я закалки старой и летному составу не даю, иначе залетают высоко и ног под собой не чувят. Медосмотр — обязательная процедура каждый полетный день. Запомнили? — Во взгляде заготовленный упрек, будто вместо завтрака я закинул в желудок котелок галлюциногенов и явился показаться — «каков».

Киваю. Он измеряет давление, долго слушает сердце и милостиво отпускает из кабинета, не забыв напомнить: «Дверью не хлопать!»

В коридоре штаба тишину нарушает глухой стук печатной машинки. Других признаков жизни нет. Мои гулкие шаги глушат этот стук, а хлопнувшая дверь перечеркивает прошлую, гражданскую жизнь.

Михалыч рвет с места. Завывая двигателем, с пробуксовкой, мы отъезжаем от штаба и направляемся к вагончикам. На полпути обогнали грязно-зеленый, занавешенный шторками ПАЗ.

– Кто это?

– Пилоты с «крокодилов». Они приезжают отдельно, прямо к вылету. В штабе у них свой зал, для безопасности и возможности мщения. Это так, на всякий случай.

– А мы? — Несправедливость явная, поэтому вопрос скрывает обиду.

– Вы как такси. Всяк норовит вызвать по делу и без. Начальства развелось всякого... — Михалыч лезет за сигаретой, прикуривает. — Ну их! Нашел о чем говорить. Вот дежурную машину угробили — печаль! Сейчас мотайся туда-сюда.

Он лихо тормознул, вылез, хлопнул дверью, повернулся в сторону расчехленных, готовых к вылету «крокодилов»:

– Видать, серьезное дело, раз пару поднимают.

В дверях вагончика появился Городец:

– Михалыч, сейчас на АДП¹ поедem, не отходи.

Мы вновь едем, но на этот раз — всем экипажем. Получили полетное задание — и к вертолету. Я сижу в машине, жду инструктаж командира. Степаныч молчит партизаном и пялится на разбитую дорогу. Изображает тайну или нагоняет солидность?

Остановились рядом с пятнистым вертолетом. Неторопливые Дима Буцко и лейтенант Бражич уже его расчехлили, прогрели, произвели проверку и убирают колодки. Входит Сухонин, затем Городец и я. Надев ларингофоны², включаю питание и связь, вызываю Андрея:

– Дай позывные.

– Диспетчер — «Домосед», наш — «Одинокый», борт — ноль один три семерки пять.

Следует запрос командира:

– Готовность экипажа

– Справа готов, — реагирует Городец.

– Бортмеханик готов. Осмотр проведён, замечаний нет.

Сухонин говорит быстро:

– Направление ветра; режим работы двигателей; температура наружного воздуха; взлётный 3,9—4,6СДК. Начинаем прокрутку. Бортмеханик?

– Левый, правый, — даю периодичность к прокрутке.

– Левый, правый. Приготовиться к прокрутке левого двигателя.

– Справа готов, —отчеканивает Городец.

– Бортмеханик готов.

– Приступаем к прокрутке левого двигателя. Автоматика включена...

Начинается ровное, нарастающее гудение. Командир тем временем озвучивает:

– Обороты двигателя растут, мощность 22 процента, давление масла растёт, давление топлива в норме, —завершает прокрутку, добавляет:

– Автоматика выключена. Время прокрутки 27 секунд. Прокрутка правого.

– Справа готов.

– Бортмеханик готов.

– Прокрутка правого. Автоматика включена...

Всё повторяется. Закончив с прокруткой, приступаем к запуску. Машина набрала обороты. Городец:

– Амплитудный модулятор включен. Проверка автопилота на прохождение сигнала, автопилот реагирует. Условия для коррекции есть.

Командир:

– Ноль один, три семёрки, пять к взлёту готов.

– Триста. Взлёт разрешаю.

Слышу, как командир получает добро на взлёт.

– С богом, — выдохнул командир. Машина отрывается от черно-белой земли, начинает набор высоты и, наклоняясь вперед, набирает скорость.

– Курс: высота сто восемь и два, — напоминает Сухонин второму пилоту и дает мне знать, куда назначен рейс. Жду какой-то тревоги либо еще чего, может, возвышенного чувства важности этого полета, но нет, все как обычно, совершенно привычно: легли на курс, набрали приличную высоту и идем выполнять задание.

Видимость — облачно. Иногда открывается пятнистая земля, кривые ленточки речушек, разбросанные населенные пункты, буро-зеленый, больше коричневый лес, разрезанный ниткой дороги с ползущим колонной автотранспортом.

¹ Авиационный диспетчерский пункт.

² Ларингофоны — наушники в гражданской авиации.

Постепенно просветы уменьшаются и наконец исчезают совсем. Полет продолжается «под шторкой» — по показаниям приборов. Отмечаю отклонения и изменения. Прямо передо мной приборная панель — датчики давления масла, топливной системы, температуры двигателя и ряд вспомогательных — расходы и сигнальное оборудование.

– Шестьдесят пять, — ставлю в известность.

– Растем? — Командир сидит впереди, чуть левее. Вижу, он поворачивает голову ко второму пилоту, спешу объяснить:

– Влажность большая. Облачность...

– Ясно, ясно, — обрывает он.

Что ж, раз все знаешь, к чему пускаться в объяснения? Остальную часть полета молчу как рыба об лед и поглядываю на белую пелену. Говорят, можно увидеть образы, мечтается хорошо... Пытаюсь — ничего не получается, а вот одна мыслишка свербит — «вы-со-ко-ва-то!», если... Нет, об этом лучше не думать.

Снижаемся. Облака рвутся, уходят вверх. Не прошло и минуты — под нами чисто. Заходим на посадку, машина снижает высоту. Нас встречает группа — полтора десятка человек. Чуть в стороне, приткнувшись передними бамперами к корявому кустарнику, стоят три авто: «Урал» и два УАЗа.

Касание. Снимаю ларингофоны, иду открывать. Лопасти вращаются на малых оборотах, но ветер от них ощутимый. Люди бегут, пригибаясь, придерживают фуражки и шапки. Первым полез толстый покрасневшийся полковник. Следом еще два офицера — их погоны прикрывают меховые воротники камуфлированных курток.

Полковник что-то кричит выведшему навстречу командиру, а тот, в свою очередь, так же громко, в самое ухо, главному пассажиру. Всему виной открытая дверь. При закрытой можно говорить тише и не драть горло.

В салоне появляются вооруженные до зубов десантники. Хмурые, темные, небритые лица, надвинутые на брови черные шапочки, обрезанные на пальцах перчатки, спаренные изоляцией магазины автоматов. Последний — со снайперской винтовкой, прицел закрыт брезентовым чехлом.

Расселись. Задраиваю дверь, возвращаюсь на место. Земля отплывает. Буксуя, удаляется «Урал», а следом, будто крадутся — пятнистые УАЗы.

– Режим?

Голос командира возвращает к приборам, заставляет сосредоточиться на показаниях.

– Норма.

На окраине изрыхленного артиллерией поселка приземляемся вновь. Пассажиров встречают два БТРа. Командир убавляет обороты до минимума. Чего-то ждем. Успеваю осмотреть вертолет снаружи, обиваю налипшие на ботинки комья грязи, возвращаюсь.

Наконец, подъезжает похожий на хлебозовку ГАЗ, и два солдата грузят шесть черных мешков. Это убитые. В одном из «грузов» край лопнул, а может, зацепили и порвали, — вывалилась грязная скрюченная рука. Солдат быстро заталкивает ее обратно, виновато глядит на меня. Отворачиваюсь.

И снова плывем «под шторкой». Командир говорит: «Безопаснее», я вспоминаю песню Саши Розенбаума, где есть такие строки: *«...Но надо добраться, надо собраться... если нарваться, то парни второй раз умрут»*.

Квадратик с трепещущими красными флажками, закрытая фура, почти родные Бразич и Буцко встречают борт. Вижу, как коровой ползет топливозаправщик МАЗ. Выхлоп из его глушителя стелется по земле как дымка и растворяется не скоро.

Степаныч и Городец уходят, а я остаюсь, жду, когда доползет заправка. Технари дождались разгрузки, ставят колодки, втыкают пробку в почерневшее сопло. Солдат-срочник прыгнул в грязь — брызнуло из-под ног месиво, хлопнул дверью, спешит ко мне.

– Есть таблица?

– Так точно.

Лезет в карман бушлата, вынимает потрепанный лист. Смотрю запись техника ТСМ, прошу достать баночку и нехотя лезу сливать отстой с нижней точки бочки МАЗа. Керосин вонючий, шибает в нос.

– Давай под завязку.

Паренек разматывает шланг с заправочным пистолетом на конце, включает насос. Я открываю крышки правого и левого навесных баков. Солдат шустро залезает, начинает заправку.

Прошло две-три минуты, зажигается встроенный под стекло знак «бак полон». Он вопросительно смотрит, намеревается спрыгнуть, но я прошу подождать немного — сейчас топливо стечет в правый бок, закрою крышку, и повторим в левый, иначе скопившийся воздух создает в правом иллюзию полноты, желательно открывать. Судя по лицу паренька, тут этого не делают, да и ни к чему, если летать близко. Другое дело — раскат голой тундры, безграничность ее простора, необъятность.

Наконец закончили. Заполняю бланк по показанию счетчика МАЗа, ставлю роспись — оригинал мне, а второй экземпляр — заправщику. Солдат расписался, сунул листок в карман, прыгнул в машину и чего-то ждет. Не понимаю, делаю рукой знак «свободен».

– Садитесь, подброшу до вагончика.

– Благодарю.

Усаживаюсь поудобнее. В кабине тепло. На панели наклеена целая галерея полуобнаженных девиц — длинноногих красавиц в полном наборе, от блондинок до рыжих.

– Раньше под ликом святых воевали, иконы несли, а теперь — бабы голые. Вдохновляют?

– Когда это было, скажете тоже — «лики святых».

Он давит на акселератор, высовываясь из машины, смотрит назад. Ему лет девятнадцать, не больше, а ведет себя уверенно, работает умело, без лишней суеты. Такие всегда на своем месте, будут делать, что прикажут, и ждать золотого дембеля. Только вот все меньше и меньше их — не прячущих голову в кусты, способных отдать во славу Родине 730 дней своей молодости.

Молчим до самого вагончика. Сухо благодарю, спрыгиваю и, сбив с ботинок грязь на сваренной из уголка решетке, вхожу.

Наши сидят в первом помещении, смотрят новости. Присаживаюсь, расстегиваю бушлат, закурываю сигарету, пытаюсь вникнуть в поток информации.

Оказывается, завершили окружение большой группы боевиков и бомбят без жалости и сострадания. Показывают эпопею с автобусами и заложниками, группу ОМОН — разоруженную на блокпосту, барражирующие вертолеты.

– Наша пара, — восхищается Михалыч. — Лупят как, глянь! Так их!

«Крокодилы» действительно лупят. Кометы ракет тянутся белым шлейфом, врезаются в село, выбрасывая в небо груды обломков.

Дзынькает телефон. Сделав недовольную мину, Михалыч снимает:

– Так точно, здесь. Даю. — Как флаг протягивает Степанычу: — Тебя.

– Слушаю, Сухонин. — Лицо командира делается сосредоточенным. Повторяет как заведенный: — Есть, есть, есть.

Бросил трубку на рычаг, матерно выругался, поднялся с топчана:

– Михалыч, заводи свою колымагу, поедem на АДП.

«Вот и отдохнул, — подумал я. Затушил окурок в пепельнице и направился к выходу. — Можно было и не приезжать сюда, у вертолета подождать».

– Степаныч, уточни там, пожрать успеем? — вмешивается Городец. — Ей-богу, шеф, желудок к спине липнет. Вдруг голодный обморок случится?

— С тобой случится, не дождешься. — Сухонин бормочет под нос, усаживается поудобнее и хлопает дверью УАЗа. — Трогай.

Получив задачу, успеваем зайти в пропахшую жареным луком столовую, похлебать щей, съесть по тарелке макарон с котлетой и выпить по стакану горячего сладкого чая. Андрей справляется быстрее всех, вытирает салфеткой губы, смотрит на часы:

— Еще четыре часа нашей смены. Уложимся?

— Хм. — Степаныч недобро ухмыльнулся. — Спустишься с неба, пилот! Сменщиков срочно вызвали, готовят вторую машину: ноль один двести семьдесят работать будет.

— Везет! — воскликнул Городец.

— Какая разница? — вставляю вопрос.

— Никакой. Нам везет, без работы не сидим. — Он встает из-за стола, сгружает посуду на поднос, уносит к встроенному в стену окну, оставляет и занывает по пояс внутрь. Я повторяю, скидываю.

— Оставь, — улыбается Сухонин, — он за посудомойщицей ухлестывает, поэтому и носит. Джентльменский повод, понял? Учись.

Мы со Степанычем закончили прием пищи, покинули просторный зал столовой и, ввалившись в машину, закурили.

— Несправедливо, — дожевывая бутерброд, бурчит безопасник. — Как пилотов кормят, ума не приложу? Лук не перевариваю, разносолов не дождешься, а придет бедный инженер, сунут рисовую кашу да уху из кильки естественного моря, с луком, чтоб не воняло падалью. Лучше бутерброд съесть — сытнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.